

ПЕСНИ ВЕКА НЫНЕШНЕГО

ЛЮДИКА ПЕТРУШЕВСКАЯ начинает занимать в афишах московских театров по праву принадлежащее ей место. Спектакль Нового театра «Песни XX века» тоже был сделан много лет назад, игрался несколько раз вне своего театра (в память просмотра в ЦА), а сейчас идет, так сказать, у себя дома, на улице Проходчиков, с большим успехом.

Наш театр в последние годы довольно резко ушел от жизни — не вперед, а назад и куда-то в сторону. Именно поэтому простота и ясность Петрушевской отпугивает театр от ее пьес. У нас все больше, подтекстом, интересуются — что, мол, автор хотел сказать, на что хотел намекнуть и так далее. А когда автор без всяких зыряков и намеков просто говорит, что он хочет, — тут и начинаются режиссерские недоумения, переходящие в актерские и зрительские. Мне приходилось слышать эти недоумения — на одном из спектаклей, по пьесе Петрушевской «Любовь», где был и сам автор, зрители долго допытывались: что именно кроется за словами героя пьесы о его неспособности к любви, о неумении любить. И были удивлены и даже, по-моему, слегка шокированы, когда Петрушевская сказала — ничего не кроется, просто он и в самой деле не умеет любить, не входит в его душевный состав это чувство. И никому почему-то в голову не пришло поинтересоваться, откуда взялся такой человек, ишний сам, может быть, главного из человеческих чувств.

Вот мы видим героя пьесы «Любовь» на сцене Нового театра; играет Толя М. Ремизов. И мы, зрители, убеждаемся, что он, в самом деле, не способен любить. Все сыграно так, как написано: девушка, годы которой уже уходят, готова душу потратить на этого Толю, чтобы научить его, тому, чему обычно учить никого не надо. Но что-ж делать? Одной жить тоже не сладко... А он вроде бы неплохой парень, а досадный этот изъян, может быть, все таки излечим?

А потом на сцене появился парень в джинсах и вязаной безрукавке, Александр Т., как он себя называл, явно подражая кому-то. И сразу двое молодых зрителей отреагировали на него с какой-то непонятной мне радостью. Он заговорил — сначала со своим магнитофоном, заговоря радостно. Было видно, что ему нравится общаться с магнитофоном, что он сам себе в этом общении кажется не собой, а кем-то другим, более значительным, умным (записывать на магнитофон вроде бы полагаются только стбщие того мысли, а он записывает — значит, мысли строящие; так он по крайней мере думает). И болтает, что в голову придет, — и постепенно становится всею нас, весь умственный и духовный багаж такого парня исчерпывается бесплодной одеждой да вот магнитофоном. Желаящий в жизни очень многого, он сам пока толком не знает, чего ему хочется. Любить? Да, конечно. Только вот учиться в техникуме, снимает комнату в пригороде; привести к себе девушку ему хозяйка не разрешает. А все остальные его желания — такие же неопределенные. Желать ведь тоже нужно уметь. И парень, несмотря на бодрость и

еб существо, вдруг показався в чем-то очень важным обделенным, жалким, хотя сам он этого, конечно, не сознавал.

Не сознавали, наверное, и те молодые зрители, впереди меня. Но аплодировали они ему отчаянно, подняв руки вверх. И я вдруг поняла — это ведь они себе аплодируют, узнали в нем себя и испытали, может быть, впервые в театре, радость узнавания. Своему точному подобию аплодируют; а до этой пьесы Петрушевской (давшей название всему спектаклю — «Песни XX века») таких ребят на сцене не показывали, хотя в жизни они, конечно, есть, вот даже в зале театра оказались. Показывали в основном других, но желания их были очень далеки от помыслов их жизненных прототипов — и прототипы, поняв это, в театр, как правило, не ходили. Так и жили — социально обделенными, а нам удобно было делать вид, что таких нет и быть не может. И сейчас, когда они появились на сцене, сильнее стало наше сострадание к ним, стремление что-то сделать для них.

В одном из давних своих интервью, напечатанном в «Литературной газете», Петрушевская рассказывала, что один редактор спросил ее как-то, за кого же она — за мужчин или за женщин? Писательница ответила: она — за детей. А более широко — за слабых, за тех, кто нуждается в любви и помощи. Вот таких мы и увидели в «Светичной клетке».

Нет, на первый взгляд, они вполне уверенны в себе, даже хамоваты, от чрезмерной самоуверенности — Юра (А. Шалудько) и Слава (А. Литовкин). Да и Галя (А. Медведева) по крайней мере старается выгладеть уверенной в себе.

И сыграно все это так, что испытываешь к этим людям огромную жалость, потому что они живут мимо жизни. Именно жалость — чего-то очень важного они не знают, не понимают. И еще — вижу за собой, за своим вроде бы нормальной жизнью, в которой не находится места мыслям о них, о том, как сделать и их жизнь более осмысленной. Вот на такой ноте кончается этот спектакль, в котором Петрушевская предстает чуточку иным драматургом, нежели мы это представляли раньше. Талантливым, зорким, наблюдательным — все это мы знали, но и способным рассмотреть героев глубоко, со стороны, показать не только их духовную неполноценность, но и пожалеть, что они такие, и предложить нам подумать, нет ли в этом и нашей вины.

Есть еще один аспект у этого спектакля — внутритеатральный. Поставил его В. Рудый, для которого «Песни XX века» — режиссерский дебют, играют актеры, в основном не числящиеся в лидерах этой труппы. Еще одна иллюстрация известной истины, что таланты не назначаются, а рождаются, когда работа, пьеса предоставляет им возможность — и естественно, когда приходит время, в которое они могут осуществить себя. В Новом театре появился современный, острый, отмеченный печатью таланта спектакль. Чтобы посмотреть его, есть смысл поехать на окраину Москвы, потратив час-полтора на дорогу.